

ТУРГЕНЕВ В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ ЛЕТОМ 1838 г.

ИЗ ДНЕВНИКА Е. В. СУХОВО-КОБЫЛИНОЙ

Публикация Л. М. Долотовой

Евдокия Васильевна Сухово-Кобылина (в замужестве *Петрово-Солового*; 1819—1896), отрывок из путевых записок которой печатается ниже, принадлежала к известной дворянской семье, из которой вышли драматург А. В. Сухово-Кобылин, романистка Е. В. Салиас де Турнемир и художница С. В. Сухово-Кобылина. Не отличаясь, в противоположность брату и сестрам, особыми талантами, Евдокия Васильевна Сухово-Кобылина была, судя по отношению к ней родных и друзей, человеком редкого обаяния и душевной привлекательности. Такой рисуют ее и материалы семейного архива Сухово-Кобылиных и письма к ней Огарева, посвятившего «Душеньке» Сухово-Кобылиной цикл стихов «*Buch der Liebe*»¹.

В 1836—1839 гг., к которым относится дневник Е. В. Сухово-Кобылиной, она путешествовала с матерью, сестрами и братьями по Германии, Австрии, Франции и Италии. Тургенев посетил Сухово-Кобылиных во время их пребывания в Гейдельберге. Запись в дневнике об этом знакомстве сделана 14/26 июля 1838 г., но произошло оно несколько ранее. В воскресенье 19 июня/1 июля² Сухово-Кобылины совершили длительную прогулку, а «на следующей неделе», как сказано далее, у них был Тургенев. Таким образом, его посещения следует отнести к первой неделе или первой декаде июля н. с. 1838 г. В конце записи о Тургеневе, где говорится об его отъезде из Гейдельберга, сказано: «На этой же неделе приехал к нам Александр 8 июля/26 июня».

В опубликованной переписке Тургенева и материалах к его биографии пребывание писателя в Гейдельберге летом 1838 г. не нашло отражения. В автобиографическом конспекте Тургенева «Мемориал» о летних месяцах 1838 г. сказано кратко: «Путешествие по Германии»³. В письмах Н. В. Станкевича родным от 18/30 июня и Я. М. Неверова Т. Н. Грановскому от 20 июня/2 июля содержатся сведения только о том, что Тургенев был проездом в Эмсе в конце июня 1838 г.⁴ Очевидно, оттуда он и направился в Гейдельберг. О знакомстве Тургенева летом 1838 г. с семьей Сухово-Кобылиных также не было известно. Имена Сухово-Кобылиных появляются в письмах Тургенева гораздо позже. 1/13 декабря 1850 г., в письме к П. Виардо, он дает характеристику Е. В. Салиас де Турнемир, прибавляя: «Мы с ней большие друзья». А 5/17 декабря, в том же письме, упоминает: «Да, кстати, я снова встретил Солового и его жену, которая приходится сестрой этой самой графине Салиас». Публикуемой записью устанавливается гораздо более ранняя дата знакомства Тургенева с Сухово-Кобылиными и уточняется маршрут его путешествия до приезда в Берлин. Содержание этой дневниковой записи представляет интерес не только для биографов Тургенева, но и для историков его творчества: Е. В. Сухово-Кобылина передает рассказ Тургенева о пожаре на пароходе «Николай I» 18/30 мая 1838 г. Впоследствии Тургенев собирался включить очерк об этом происшествии в состав «Литературных и житейских воспоминаний», однако рассказ был продиктован им П. Виардо по-французски лишь в июне 1883 г., а русский перевод, подготовленный А. Н. Луканиной, просмотрен автором незадолго до смерти.

Дневниковая запись, сделанная Е. В. Сухово-Кобылиной со слов Тургенева, отделена от описываемого события одним месяцем, а рассказ самого писателя — сорока пятью годами; из-за условий, в которых создавался «Пожар на море», — тяжелая болезнь Тургенева, невозможность писать самому, по-русски, — ранняя запись его впечатлений приобретает для нас особый интерес.

Добросовестность Е. В. Сухово-Кобылиной в передаче тургеневского рассказа очевидна: в своих путевых записках она хочет только закрепить все виденное и слышанное; сама она характеризует себя как рассказчика «сокращающего, а не прибавляющего». Свойственная Сухово-Кобылиной живость, восприимчивость, хорошая память, и то, что это записано по свежим следам, — придает необычайную свежесть и непосредственность пересказу.

В публикуемом тексте явственно ощущается молодость Тургенева: его увлекает «остро-сюжетная» сторона происходящего, он охотно подмечает комические черточки в поведении других людей и далек от критической оценки самого себя. В этом отношении текст записи составляет разительный контраст с рассказом «Пожар на море», где в описание события вплетаются нити многолетних раздумий Тургенева о жизни и смерти и где присутствует уже трезвая оценка юношеского кокетства и малодушия.

Вместе с тем публикуемая запись отмечена печатью ранней наблюдательности Тургенева, способностью схватить детали; теснятся лица — круг их шире, чем в рассказе «Пожар на море», — стремительно разворачивается действие, и сама нестройность картины, динамика бесхитростного пересказа Сухово-Кобылиной создают ощущение жизненной правды. Обращает на себя внимание скептическое замечание Тургенева о том, что в такой тяжелый момент все «сделались христианами», — замечание, очень характерное для него и впоследствии развитое в рассказе «Пожар на море». Интересны также некоторые образные выражения, принадлежащие, очевидно, самому Тургеневу, а не Сухово-Кобылиной, например, о том, как карета, вещи, шали, серебро кн. Шаховской — «все пошло рыбу ловить». И, разумеется, при всей краткости его, должен быть отмечен критический отзыв Тургенева о Московском университете.

Отрывок печатается по автографу ЛБ, ф. 223 (Петрово-Соловово), дневник Е. В. Сухово-Кобылиной, № 7, лл. 263—264.

Да, теперь помню, на следующей неделе был у нас новый посетитель. Это был Тургенев. Он приехал в Гейдельберг и просил позволения явиться, разумеется, что мы сказали, что очень рады, — и он поутру и явился. Разговор был сей час готовый, он приехал на «Николае», который сгорел ⁶, сей час начал рассказывать, — а я в эту минуту снимаю с него должность и тут сама представляю из себя рассказчика, но сокращающего, а не прибавляющего.

Их было 160 человек на пароходе, всё почти женщины и дети, последних было 50 человек, и все почти русские, очень мало иностранцев. Подъезжая к Травемюнде, за 1½ часа загорелся пароход, все спали, некоторые из запоздалых мужчин сидели внизу в каюте и играли в карты, вдруг в три часа ночи входит женщина, совсем почти не одетая, бледная как полотно, и кричит: Горим, горим! Все вскочили, побежали наверх, на палубу, в трубе огонь, пробивается во все места, а вокруг суетятся матросы. В один миг отовсюду сбежались. Женщины как были на постелях, так и пришли, кто в рубашке, кто в мужниной шинели, кто в простынке. Наконец, на носу стало слишком жарко, все столпились на корме, женщины плачут, дети кричат, мужчины толпятся, уговаривают. Это был такой хаос, шум, гвалт, писк, крик, молитвы к богу, кто стоит на коленях, кто в землю кланяется, все, говорит он, сделались христианами. В самом деле положение было ужасное. Быть от земли далеко, между огнем и водою. Лодок нету, видишь огонь ближе и ближе, пол начинает быть тепл, и ниоткуда не видишь спасения. Направить пароход куда нельзя, он

ТУРГЕНЕВ (?)

Портрет маслом неизвестного художника, 1830-е годы. Копия

Музей И. С. Тургенева, Орел

Местонахождение оригинала неизвестно

идет прямо; они начали звонить во все колокольчики, что есть силы, подавать знак, между тем, немцы, бывшие на пароходе, числом трое, преспокойно сговорились, подошли к одной из лодок, спустили ее на воду, сели и уехали. Осталась одна маленькая лодочка, ее стали отвязывать, Эмилия Пушкина, которая была на пароходе с сыном, матерью, сестрой Демидовой и Демидовым ⁶, увидя, что отвязывают, вскочила в лодку с ребенком, лодка, будучи на балансе, так сильно начала качаться, что матрос испугался и закричал, ее оттуда выдернули, не успела она выйти, как вскочил в нее помещик какой-то (забыла фамилию), лодка оборвалась и полетела вниз вместе с ним, и его уж больше не видали, а только показалась опрокинутая лодка сзади. Тут они остались без всякой надежды.

В это время один Маёр ⁷ фабрикант говорил, что он ничего не боится, что он по речной воде 10 верст плывет, застегнул свой сертук, кредитив в клеенку завернул, привязал к себе и кинулся в море, и он также не показывался больше на поверхности, вероятно, его подтянуло. Наконец, через час показались три или две, не знаю наверное, лодки. Крик, шум поднялся на пароходе, все забежали, восклицания радости, можно себе представить, что это было. Ни одна женщина, надобно заметить, не упала в обморок, все старухи так бегали, что за ними поспеть нельзя было, но как сесть на лодки? Мужчины сговорились сперва отпустить всех детей и женщин, а сами после. Спуститься иначе нельзя было, как по веревке с кормы вниз в лодку, а детей просто кидали, а снизу ло-

ГЕЙДЕЛЬБЕРГ

Акварель неизвестного художника, 1849

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

вили. Тут уж все пошло живо, только то, что никому до чемодана своего нельзя было дотронуться, и все с тем оставили пароход, что на них было, счастлив тот, у кого в кармане лежал кредитив. Их высаживали всех на ближнюю мель и ворочались за остальными. Когда все было собрано на мели по пояс в воде, мужчины решились нести на руках женщин и детей до берега, который был за $\frac{1}{4}$ версты. Таким образом их всех перетащили, но до Травемюнде оставалась целая миля, они наняли кое-каких фурманов, которые съехались. Смотрите, вот честность немецкая. Видя в таком ужасном положении народ божий, без гроша денег иные и измученные, усталые, они брали с человека по дукату, чтобы довести. Этот маскарад прибыл в Травемюнде в 7 часов, кажется, утра, народу собралась тьма смотреть их; они населили весь городок, и на другой день все лежало в постели. Да и к тому же им не в чем было встать. Все решительно сгорело. У кн. С. А. Шаховской⁸ удивительная карета, шали, вещи, серебро, все пошло рыбу ловить, у Эмилии также. Словом, никто ничего не спас; кто хотел спасти и кидал сверху в лодку, то из лодки выкидывали в море, а то было очень грузно — можно себе представить отчаяние иных, хоть Софьи Алексеевны: я думаю, она до сих пор плачет. Тем можно бога благодарить, что они не сгорели, это их счастье.

Вот вам история о пароходе. Признаюсь, это занимательная и любопытная сцена для глаза наблюдателя, если бы этот наблюдатель не смешался бы с толпою наблюдаемых. Этот Тургенев приходил к нам часто, два раза обедал, на третий день опять пришел, побранился с маменькой об Московском университете, говорит, что он полон дураками; маменька при мне такую ему нотацию пропела, что он с тех пор не казал глаз к нам, — и уехал не простясь. Туда и дорога.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. «Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. III. М.—Л., 1934, стр. 187—274 и «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 648—651.

² В автографе ошибка в переводе со старого стиля на новый: 31/19 июня.

³ См. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, 1964, стр. 342.

⁴ См. «Переписка Николая Владимировича Станкевича». М., 1914, стр. 64; ЛБ, ф. 84, п. 3, ед. хр. 24.

⁵ В русских газетах были опубликованы заметки об этом происшествии, основанные на информации заграничной прессы. «Северная пчела» сообщала: «Пароход „Николай I“, под командою капитана Штала, со 132 пассажирами и 38 чел. экипажа, загорелся на пути из С.-Петербурга, в ночи на 31(19) мая около одной мили от Травемюндского рейда, близ Грос-Ключа» (1838, № 117, 27 мая, раздел «Внутренние известия»).

⁶ Эмилия Карловна *Мусина-Пушкина* (рожд. Шернваль; 1810—1846). Имя ее упомянуто в списке отъезжающих за границу («С.-Петербургские ведомости», 1838, № 84, 19 апреля); там же сказано, что с ней едут дети: Владимир, Алексей и Александра.

Мать ее — жена Выборгского губернатора К.-И. Шернваля, рожд. Гассер, во втором браке — баронесса Валлен.

«Сестра Демидова» — Аврора Карловна (рожд. Шернваль, во втором браке — Карамзина; 1813—1902). Под фамилией Демидова в данном контексте следует разуметь, очевидно, ее мужа, Павла Николаевича *Демидова* (1798—1840), егермейстера и камергера двора, хотя в списках отъезжающих за границу стоит имя А. Г. Демидова, упоминаемое также и в «Мемориале» Тургенева (см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, 1964, стр. 352).

⁷ В списке отъезжающих за границу упоминается Иоганн Генрих Мейер, ганноверский подданный («С.-Петербургские ведомости», 1838, № 90, 26 апреля); в сообщениях о пожаре на «Николае I» имя сахаровара Мейера упоминается в числе погибших («Северная пчела», 1838, № 117, 27 мая; «С.-Петербургские ведомости», № 117, 29 мая).

⁸ Софья Алексеевна *Шаховская* (рожд. Мусина-Пушкина; 1790—1878); имя ее значится в списке отъезжающих за границу («С.-Петербургские ведомости», 1838, № 84, 19 апреля).